

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.6.4>

UDC 352.07+316.732+94(574/575)
LBC 66.05(543)+67.401.13+71.04

Submitted: 05.12.2017
Accepted: 13.04.2018

ADMINISTRATIVE ACCULTURATION OF INDIGENOUS POPULATION OF THE TURKESTAN PROVINCE IN THE RUSSIAN LEGISLATION OF 1865-1866 ¹

Dmitriy V. Vasilyev

Moscow City University, Moscow, Russian Federation

Sergey V. Lyubichankovskiy

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The paper is aimed at studying the degree of influence of the Russian Europeanized trend on traditional institutions of the indigenous population and at identifying the main direction of administrative transformations. To achieve these goals, the following tasks should be solved: to clarify the ideology of administrative transformations in Central Asia; to determine the degree of familiarity of the Russian administration with local political tradition; to disclose basic principles that guided the power structures of the empire at the turn of a new governance system establishment. *Methods and materials.* The sources of this study are represented with published legislative acts, as well as archived projects dedicated to the formation of the Russian administration system for the newly annexed territories of the Turkestan Province. Historical and logical methods, criticism and analysis of published and unpublished sources, comparative legal study, institutional and comparative methods, as well as a civilizational approach are used in the paper. The historiography of the issue is extremely limited. *Analysis.* The primary administration of the indigenous population with the use of all existing draft organizations for the governance of the Turkestan Province will be considered in this work for the first time. In the paper the organization of public administration of indigenous people of the Turkestan province of the Russian Empire is considered from the position of acculturation. Terminology and competency of using the methodologies of sociology for historical and political research have been explained. Bills and the Temporary Statute of Management of the Turkestan province show variety and dynamics of views of representatives of the Russian administration on a problem of applying the traditional institutions of administration in a completely new management system. Intention of the Russian government to make the primary administration the most understandable to the local population has been proved. *Results.* The study of sources allows reveal the presence of four various tendencies among the Russian boundary administration. Some officials have supported the maximum preservation of local traditions. Others have sought to limit the local institutions by using the tools of power approved in the other peripheries of the empire. The third have intended to accelerate expansion of all-imperial order to the Turkestan province. But the soft combination of local customs and all-imperial elements which had to provide a peaceful and gradual ingrowth of the region into the unified imperial space became the manifestation of wisdom of the central government. The research of the process of construction of the regional administration system shows that representatives of the imperial power have embodied the idea to use the traditional administration institutions. However, some mistakes were made, which can be explained by bad knowledge of traditional administration institutions of the settled population of the region. An active attraction of indigenous people to the public positions has been recognized as the most important principle of the organization of primary administration. At last, all primary administration had to be based on the election law approved in the all-Russian scale. We make general conclusion that in 1865-1866 administrative acculturation in the sphere of primary administration of the Turkestan province was minimized.

Key words: acculturation, indigenous population, public administration, administration system, Central Asia, Russian Empire, Turkestan province.

Citation. Vasilyev D.V., Lyubichankovskiy S.V. Administrative Acculturation of Indigenous Population of the Turkestan Province in the Russian Legislation of 1865-1866. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23, no. 6, pp. 61-75. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.6.4>

УДК 352.07+316.732+94(574/575)
ББК 66.05(543)+67.401.13+71.04

Дата поступления статьи: 05.12.2017
Дата принятия статьи: 13.04.2018

АДМИНИСТРАТИВНАЯ АККУЛЬТУРАЦИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ТУРКЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ 1865–1866 ГОДОВ ¹

Дмитрий Валентинович Васильев

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация

Сергей Валентинович Любичанковский

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Аннотация. Целями статьи являются исследование степени влияния российского европеизированного начала на традиционные институты коренного населения и выявление главного направления административных преобразований. Для их достижения следует решить следующие задачи: выяснить идеологию административных преобразований в Центральной Азии, определить степень знакомства российской администрации с местной политической традицией, установить основные принципы, которыми руководствовались властные структуры империи, приступая к созданию новой системы управления. Источниками настоящего исследования являются опубликованные законодательные акты, а также хранящиеся в архивах проекты, посвященные формированию российской административной системы на вновь присоединенных территориях Туркестанской области. В статье использованы исторический и логический методы, критика и анализ опубликованных и неопубликованных (архивных) источников, сравнительно-правовой, институциональный и компаративный методы, а также цивилизационный подход. Историография вопроса чрезвычайно ограничена. В настоящей работе первичное управление коренным населением впервые будет рассмотрено с привлечением всех существовавших проектов организации управления в Туркестанской области. В статье с позиции аккультурации рассматривается организация общественного управления коренным населением Туркестанской области Российской империи. Объясняется терминология и правомочность использования методологического аппарата социологии для историко-политологического исследования. На примере проектов и закона об управлении Туркестанской областью показаны многообразие и динамика взглядов представителей российской администрации на проблему использования традиционных институтов управления в новой административной системе. Доказано намерение российского правительства сделать первичную администрацию максимально близкой и понятной коренному населению региона. Изучение источников позволяет сделать заключение о наличии среди российской пограничной администрации четырех различных тенденций и также том, что одни чиновники выступали за максимальное сохранение местных традиций, а другие стремились ограничить местные институты, распространяя на область инструменты, апробированные на других окраинах империи. Третьи намеревались ускорить приобщение Туркестана к общеимперским порядкам. Но мудрость центрального правительства проявилась в более мягком сочетании народных обычаев и общеимперских элементов, которое должно было обеспечить мирное и постепенное вращение региона в единое имперское пространство. Исследование процесса конструирования региональной административной системы показывает, что представители имперской власти в той или иной мере последовательно воплощали идею использования традиционных административных институтов. Однако здесь встретились ошибки, объяснимые слабым знакомством с традиционными институтами управления оседлого населения края. Важнейшим принципом организации первичного управления было признано активное привлечение коренного населения на общественные должности. Наконец, вся первичная администрация должна была строиться на утвержденном в общероссийском масштабе выборном начале. По итогу установлено, что в 1865–1866 гг. административная аккультурация в сфере первичного управления Туркестанской области была минимальна. Постановка проблемы и методологическое обоснование работы предложены С.В. Любичанковским, собственно исследование на базе конкретных источников выполнено Д.В. Васильевым.

Ключевые слова: аккультурация, коренное население, общественное управление, административная система, Центральная Азия, Российская империя, Туркестанская область.

Цитирование. Васильев Д. В., Любичанковский С. В. Административная аккультурация коренного населения Туркестанской области в российском законодательстве 1865–1866 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018. – Т. 23, № 6. – С. 61–75. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.6.4>

Введение. Одной из важнейших задач российской истории является выяснение механизмов формирования и функционирования имперской администрации на окраинах государства, которые обеспечили относительно мирное инкорпорирование нерусских регионов в единое общеимперское пространство. Особое место в этой администрации отводилось общественному управлению, призванному стать своеобразным буфером между общегосударственными институтами и коренным населением.

Применительно к Центральной Азии вообще и Туркестанской области в частности, история становления первичной российской администрации до сих пор остается слабо освещенной в отечественной историографии. Целями настоящей работы являются исследование степени влияния российского европеизированного начала на традиционные институты коренного населения и выявление главного направления административных преобразований. Для их достижения следует решить следующие задачи: выяснить идеологию административных преобразований в Центральной Азии, определить степень знакомства российской администрации с местной политической традицией, установить основные принципы, которыми руководствовались властные структуры империи, приступая к созданию новой системы управления.

Методы и материалы. Источниками настоящего исследования являются опубликованные законодательные акты, а также хранящиеся в архивах проекты, посвященные формированию российской административной системы на вновь присоединенных территориях Туркестанской области. Выбор источниковой базы определяет методы исследования.

Для описания и исследования систем управления, устанавливавшихся Россией на окраинах, наиболее плодотворными являются исторический и логический методы, выступающие в диалектическом единстве и про-

тивоположности. Их онтологическое различие состоит в том, что использование логического метода дает возможность рассмотреть внутреннее строение (суть и содержание) административной системы, взаимосвязь и взаимозависимость ее отдельных элементов, а исторического – позволяет увидеть трансформацию системы (систем) управления во времени. К другим методам настоящего исследования следует отнести критику и анализ опубликованных и неопубликованных (архивных) источников.

Привлекаемые нормативно-правовые акты диктуют необходимость применения формально-юридического метода, позволяющего осуществить соответствующий анализ событий и фактов, имеющих правовое значение. Сравнительно-правовой метод дает возможность сравнить нормативно-правовые акты, относящиеся к одной сфере регулирования, но к разным периодам времени или создателям. Это позволяет выявить наличие или отсутствие общего направления государственной политики, реализовывавшейся в отношении рассматриваемого региона. Невозможно обойтись без институционального, более свойственного политологии метода, применение которого дает возможность изучить как используемые империей традиционные политические институты, так и конструируемые заново. Наконец, выявление параллелей с административной системой в другом цивилизационно близком регионе (Северный Кавказ) диктует необходимость применения компаративного метода.

С учетом того, что главными действующими лицами являются два взаимодействующих социально-культурных типа, можно говорить о применении цивилизационного подхода к изучению формирования новой административной системы.

Анализ. Проблема формирования местного общественного управления в Русском Туркестане практически не оказывалась в

центре внимания историков. Единственная специальная работа начинает описание российского законодательства о регионе с 1867 года [16]. Одним из авторов этой публикации была предпринята попытка описания общественного управления в Туркестане в первые годы после его завоевания [3; 4; 20]. Однако тогда были рассмотрены лишь действовавшие законодательные акты. В настоящей работе первичное управление коренным населением впервые будет рассмотрено с привлечением всех существовавших проектов организации управления в Туркестанской области.

Термин «аккультурация» был впервые употреблен немецким этнологом В. Криккенбергом в 1910 г. в отношении южноамериканских племен и характеризовал выравнивание культурных традиций. Он оказался весьма актуальным для исследования и описания культурных контактов, имевших место в колониях европейских государств между коренными жителями и представителями метрополии. Именно в таком контексте термин был раскрыт американскими антропологами Р. Редфилдом, М. Херсковицем и Р. Линтоном в 1936 году. Авторы подчеркнули, что в результате аккультурации изменение изначальных культурных черт должно произойти в одной или обеих контактирующих группах. Долгое время в социологии и социальной данное явление описывало миграционные процессы, уступив позднее адаптации и ассимиляции [9].

Применение трех этих терминов в контексте исторического исследования никоим образом не создает внутреннего противоречия, а напротив расширяет спектр исследовательских возможностей, наполняя каждый из них несколько отличным содержанием. Адаптация и ассимиляция могут характеризовать как процесс, так и состояние. При этом первая может стать преддверием второй, осуществляться как спонтанно, так и намеренно и означать приспособление некой этнической группы к измененной социально-политической и экономической реальности. Ассимиляция представляется в разной степени насильственным (или вынужденным) процессом, искомым итогом которого должна стать этносоциальная гомогенизация государственного (имперского) пространства. Аккультурация видится универсальным (базовым для двух предыду-

щих) понятием, характеризующим процесс максимально широкого взаимодействия этнических групп, который может протекать с разной степенью интенсивности как естественным путем, так и под воздействием политических институтов. Можно сказать, что адаптация и ассимиляция являются разными (сравнительной и превосходной) степенями аккультурации.

Смущает лишь изначально заложенный в понятие «аккультурация» колониальный смысл, который априори ставит взаимодействующие этнические группы в положение жертвы и покорителя, что далеко не всегда соответствует реальности и требует постоянных оговорок. Тем не менее аккультурация как культурное взаимодействие этнических групп, являющихся носителями различных цивилизационных кодов, может быть использована как инструмент для описания цивилизационного освоения Россией своих новых юго-восточных владений, присоединенных к империи в XVIII–XIX веках [1; 6; 10; 11; 17; 18; 19]. И одним из важнейших направлений здесь стала административная аккультурация как процесс, направленный уже не на адаптацию (она имела место в более раннее время в отношении субрегиона Казахской степи) [2], а на ассимиляцию Русского Туркестана как неотъемлемой части Российской империи.

Речь идет о создании во вновь завоеванных инокультурных районах Российской империи новой системы управления, прежде всего, первичной администрации. Ибо именно на этом уровне власти наглядно проявляется цивилизационное влияние завоевателей на покоренное население. Более того, исследование первичной администрации позволяет ответить и на вопрос о том, какое место центральное правительство отводило своим новым подданным в составе государства или в зависимости от него.

Еще накануне образования Туркестанской области в самом начале 1865 г. магистром Н.А. Северцовым под руководством будущего покорителя Ташкента М.Г. Черняева был разработан проект Положения о Среднеазиатской пограничной области [14].

В отношении местного населения областному начальнику предполагалось присвоить права военного губернатора с правом утвер-

ждать в должности и смещать представителей коренного населения, заведовавших «земским» управлением. Предлагалось установить и перечень должностных лиц первичной (в проекте – «земской») администрации: родоправители, би и манапы для кочевников; аксакалы, раисы, базар-баши и казии – для оседлых. В распоряжении начальника области, равно как и начальников флангов, предполагалось иметь милиционеров (джигитов) из местных кочевников.

В имевших на момент завоевания свое городское управление городах, где располагались российские гарнизоны, полагалось ввести должности городничих, подчиненных местным военным комендантам. Там, где не было российских военных частей, предполагалось, что администрация будет подчиняться управляющему туземным населением. Свои административные функции городничий должен был осуществлять через подчиненных ему членов городского управления из среды местного населения.

Проект Положения устанавливал перечень выборных из коренных жителей должностных лиц в городах, их примерное соответствие выборным лицам городского управления внутренней России: старший аксакал – городской голова; аксакалы – гласные городской думы, заведующие кварталами в полицейском отношении; раис – помощник городничего по полицейскому управлению; базар-баши – заведующий торговой полицией города, которому подчинялись как городские торговцы, так и караваны; казий – шариатский судья.

Положением о Среднеазиатской пограничной области впервые в отношении Туркестана предлагалось создать гражданскую администрацию, то есть особую отрасль управления, ведающую коренным населением и имеющую собственные вертикаль и горизонталь власти, соответствующие административно-территориальному делению области. Центральным органом, в котором следовало сосредоточить управление местным населением, должна была стать канцелярия областного начальника, «по простоте управления туземным населением» минимальная по своему составу.

Впервые проект также включил в административную систему конкретную номенк-

латуру должностей представителей коренного населения, разделив первичную администрацию согласно социокультурному принципу. Особые должностные лица появились у кочевников и оседлых. Несмотря на то, что проект не прописывал критерии и процедуру их назначения, право утверждать в должностях и смещать представителей первичной администрации предоставлялось начальнику области.

Авторы проекта обошли вниманием организацию первичного управления в сельской местности, хотя частое обозначение «туземной» администрации как «земской» свидетельствует о том, что она должна была напоминать выборную общеимперскую. При этом более подробно толковалось административное устройство в городах, имевших значительные русские колонии.

Рассмотренный проект не реализовался. 12 февраля 1895 г. был подписан императорский указ об образовании на месте Сырдарьинской линии и новых приобретений в Центральной Азии Туркестанской области во главе с военным губернатором, на которого одновременно возлагалось и командование дислоцированными в области войсками. В военном отношении он подчинялся командующему войсками Оренбургского края, а в гражданском – оренбургскому генерал-губернатору [8]. 6 августа 1865 г. было утверждено Временное Положение об управлении Туркестанской областью [5].

Спецификой Туркестанской области стала не только тенденция к военизации управления, естественным образом сложившаяся в период завоевания и сохранявшаяся при учреждении органов новой власти (в отличие от внутренних губерний ее глава сосредоточил в своих руках и военное, и гражданское управление областью), но и формирование здесь весьма специфичной системы военно-народного управления.

Ее составляли военный губернатор, начальники отделов (флангов и центра), управляющие туземным населением (непосредственные начальники местной первичной администрации в отделах) и городничие. Во Временном Положении 1865 г. содержится характеристика управления коренным населением Туркестанской области, практически позаимствованная из проекта Северцова – Черняе-

ва. Как и проект, закон официально устанавливал дифференцированную номенклатуру должностей первичной администрации для кочевников (казахов и киргизов) и оседлых сартов. У первых это были родоправители, бии и манапы, у вторых – аксакалы, раисы и казий.

Временное Положение 1865 г. сохранило многие недостатки проекта Северцова – Черняева. Так, оставляя за скобками организацию сельской власти, оно сконцентрировало свое внимание исключительно на городских поселениях, первичную администрацию в каждом из которых должны были составить выборные из местных жителей: старший аксакал, соответствующий городскому голове во внутренней России; аксакалы, имеющие права и обязанности гласных городской думы, которым поручалось заведывание городскими кварталами в полицейском отношении; раис – помощник городничего из местного населения по полицейскому управлению; базарбаши – заведующий торговой полицией города; казий – исполняющий обязанности судьи. Следует добавить, что такая городская администрация, во главе с назначавшимся из российских чиновников городничим, вводилась лишь в крупных городах, которые и до занятия русскими имели свое управление.

К достоинствам нового закона, безусловно, следует отнести не только интеграцию традиционной администрации в систему военно-народного управления, но в первую очередь выделение среди местных жителей двух значительно отличающихся друг от друга социокультурных общностей – кочевников и оседлых. Одним же из недостатков Временного Положения явилась относительно детализированная характеристика первичной администрации для оседлого (в первую очередь городского) населения и полное умолчание об организации местного управления у кочевников.

Важное отличие нового закона от проекта Северцова – Черняева состоит в том, что в нем впервые говорится о выборах, а не о назначении лиц из местного населения на должности первичной администрации. При этом нет намека ни на процедуру выборов, ни на требования к кандидатам.

Весной 1866 г. М.Г. Черняева на посту военного губернатора Туркестанской области сменил соратник военного министра и

главный редактор газеты «Русский инвалид» Д.И. Романовский. Одновременно оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский сам приступил к попыткам реорганизации туркестанского управления, сразу же зарекомендовав себя активным сторонником распространения на область уже опробованных в других регионах, в первую очередь в Оренбургском крае, административных практик.

Разработчики гражданской части законопроекта исходили из необходимости подстроить традиционные институты коренного населения под общегосударственные требования. Новое гражданское управление должно было строиться на следующих принципах: ликвидация кокандских порядков; уничтожение единоличного характера власти; строгая и точная фиксация прав и обязанностей каждого; учреждение справедливого и равного суда. Только так «можно вызвать население к общественной жизни и общественному развитию. Необходимо само население призвать к управлению, чтоб оно видело, что теперь царствует порядок и справедливость, что они имеют полное право существования и неприкосновенности, и что против положенного лишнего никто ничего не может с них брать, взимаемые же подати поступают не в собственность какого-либо бека или русского чиновника, а в казну, на счет которой содержатся и войска, ограждающие от нападения, и управление для поддержания спокойствия и порядка в стране, и все благие учреждения правительства». Исходя из этого, следовало, по мнению комиссии, расширить выборное начало в администрации и суде, «дать более простора в управлении общественному началу и поэтому ослабить родовое начало у киргиз и религиозное у сартов в пользу общественного». При реализации этих условий правительству оставалось бы «направлять только общественную жизнь, следить за правильностью суда и управления [7, л. 11–12].

По мнению разработавшей проект комиссии, административную реформу следовало осуществить безотлагательно и решительно, демонстрируя твердость и непреклонность власти империи. Одновременно члены комиссии, во избежание неприятия изменений со стороны коренного населения, сочли необходимым приводить эти меры в жизнь, оттал-

живаясь «от существующего, улучшить то, что уже жило и к чему уже привык народ. Одним словом, дать большую определенность действующим органам и поставить их так, чтобы они могли вести народ к преуспеянию и благосостоянию» [7, л. 13об.].

Переходя к практическим предложениям, комиссия выдвинула идею на местном и уездном уровнях управления осуществить разделение власти по административной, полицейской, хозяйственной, судебной и финансовой отраслям. Учитывая сложности (кадровые и материальные) с комплектованием штатов из числа российских чиновников, предлагалось включить в них лишь самое минимально необходимое число должностей, замещаемых имперскими чиновниками, назначая на прочие представителей местного населения [7, л. 16]. Привлекать последних на службу следовало придерживаясь существующих традиций: там, где традиционно практиковались выборы, следовало сохранить и поддерживать выборное начало; где применялось назначение от правительства (например, у казахов) – оставить прежний порядок, постепенно подготавливая переход к выборам. Все выборы должны были проходить под контролем заведующего населением с целью обеспечить выбор действительно достойных людей.

Принимая во внимание правительственную линию на распространение среди номадов оседлости, а также компактное расположение большей части летовок и зимовок кочевников, комиссия признала необходимым ввести для них и для оседлого населения единообразную систему управления, состоящую из местных (первичных) и волостных управлений, подчиняющихся уездным полицейским управлениям, которые, в свою очередь, находились под началом заведующих туземным населением.

В городах предлагалось учредить городские думы или, по аналогии с российскими городскими старостами, ввести должности аксакалов для ведения хозяйственных дел.

К началу 1867 г. был подготовлен оренбургский проект Временного положения, который предлагал новый вариант административно-территориального деления Туркестанской области, сочетавший общеимперскую традицию и пограничную специфику региона.

Предполагалось, что уездное управление будет состоять из заведующего туземным населением, уездного полицейского управления, уездной кассы, народных судов для кочевников и оседлых, городских управлений, волостных сходов и волостных расправ (аналогов волостных правлений) со старшими и младшими биями и аксакалами [13, л. 11 об.].

Главой уездного управления должен был стать заведующий туземным населением, подчиняющийся военному губернатору, областному правлению и начальнику отдела (в тексте – заведующему отделом). Кроме прочих обязанностей на него возлагалось наблюдение за правильной раскладкой и исполнением земских повинностей. Ему предписывалось созывать общее собрание из выборных должностных и иных лиц по собственному усмотрению для обсуждения земских повинностей и иных земских вопросов. Глава уезда должен был «неуклонно следить за верным и полным» исчислением и сбором податей. В случае выявления злоупотреблений или иных правонарушений со стороны членов народного суда, полицейского управления, а также волостных биев и аксакалов он получал право отстранять их от должностей, донося областному правлению о причинах принятого решения [13, л. 12–15].

Ему полагалось организовывать и контролировать выборы всех должностных лиц и, в пределах компетенции, кандидатуры одних утверждать лично, а других передавать на утверждение областного правления. На него предлагалось возложить защиту местных жителей от возможных притеснений и злоупотреблений со стороны представителей первичной администрации, от стеснений в торговле и предпринимательстве и оказание им содействия в развитии последних [13, л. 13–13 об.].

Предполагалось, что уездное полицейское управление будет состоять из старшего помощника заведующего туземным населением (в качестве председателя), двух выборных заседателей от коренного населения [13, л. 34 об. – 36 об.].

Городское управление полагалось создать дифференцированно в двух формах в каждом городе области. В всех уездных и некоторых безуездных городах следовало учредить городские думы, а в малонаселенных –

аксакалов (городских старост) и общие собрания депутатов.

Дума в крупных городах, в зависимости от численности населения, должна была состоять из 2–6 гласных под председательством баши (городского головы). В прочих городах во главе управления предлагалось поставить городского аксакала с помощниками. Каждая форма городского управления предусматривала участие одного или двух выборных членов народного суда [13, л. 21 об. – 22]. В городах со значительным русским населением (Аральске и Перовске) для управления городским хозяйством предлагалось избирать городских старост на общеимперском основании [13, л. 23 об. – 24]. Должности городского головы, гласных думы и городских аксакалов должны были стать выборными.

Один или несколько кочевых родов, пользующихся смежными пастбищами, а также расположенные поблизости населенные пункты, жители которых возделывали соседние пашни, пользовались одними оросительными системами и имели общие хозяйственные интересы, должны были объединяться в волости с количеством населения от одной до пяти тысяч душ. Деление кочевых родов и оседлых хозяйственных общностей запрещалось [13, л. 24–24 об.].

Управление волостями должны были осуществлять волостной съезд у кочевников и волостной сход у оседлых. В этих органах должны были участвовать выборные по одному от 20 кибиток или дворов. Лица, избранные в органы волостного управления, не должны были в прошлом подвергаться судебным преследованиям. Кроме съездов и сходов в состав волостных управлений входили старшие бии (не судьи, а административные должностные лица) и аксакалы на правах аульных и сельских начальников, а также волостные расправы. Местные общества, с общего ручательства выборных должностных лиц, получали право по традиции избирать серкерров (сборщиков податей), диван-беги (полевых аксакалов) и мирабов (арычных смотрителей) [13, л. 24 об. – 25].

Съезды собирались волостными биями, а сходы – волостными аксакалами по всем значимым для волости вопросам. В их работе в качестве непременных членов участво-

вали помощники биев и младшие аксакалы, управляющие отделениями родов и селениями, полевые аксакалы и арычные смотрители. На волостные съезды и сходы предполагалось возложить выборы должностных лиц и кандидатов к ним, раскладку земских повинностей, определение содержания должностным лицам и проверку их деятельности, а также обсуждение всех хозяйственных и общественных дел, касающихся волости. Следует заметить, что волостные начальники обязывались давать съезду или сходу полный отчет о своей деятельности [13, л. 25].

Волостное правление (расправа) должно было состоять из старших и младших аксакалов и биев, а также писаря. В его состав можно было включать и простых казахов. К компетенции волостного правления полагалось отнести: выделение сумм из волостных средств по решению схода или требованию начальства; сбор сведений об объеме и характере посевов, количестве скота, подготовке ведомостей для сбора податей; письменное оформление приговоров волостного схода, выдачу увольнительных билетов на временный отъезд кочевников из волости; свидетельствование разного рода сделок на сумму не более 50 рублей. Предполагалось, что волостное правление будет заседать в основном в базарные и праздничные дни, а все вопросы будут решаться единогласно или большинством голосов [13, л. 27–28].

Выборы должностных лиц из коренного населения полагалось проводить на волостных съездах у кочевников и на сходах оседлых. На должности с содержанием местные жители избирались сроком на три года, а без содержания – на год, за исключением служащих по городскому управлению.

Представителям коренного населения следовало предоставить право избираться на следующие должности волостного и местного управления: членов и кандидатов в члены народного суда, членов и кандидатов в члены уездного полицейского управления, городских голов, городских гласных, торговых заседателей народного суда, городских аксакалов и их помощников, старших и младших биев и аксакалов с кандидатами на эти должности, членов волостного суда. Кроме того, в городах и волостях могли избираться сбор-

щики податей (серкеры), арычные старосты (мирабы) и полевые смотрители (диван-беги) [13, л. 29].

Законопроект предполагал передать процедуру выборов под контроль самих местных обществ (старших биев и аксакалов), проводя лишь первые выборы под контролем российской администрации. Не явившиеся на выборы без уважительных причин и уклонившиеся от вступления в должность местные жители должны были подвергаться соответствующим взысканиям, утвержденные в должностях избранные лица – принести присягу на Коране [13, л. 30 об. – 31], виновные в злоупотреблении по службе – подвергаться суду по российским законам.

Применительно к кочевому населению законопроект разрешал избрание должностных лиц из простых казахов, но оговаривал, что там, «где родовые понятия еще преобладают, в должность старшего бия избираются родовые бии» [13, л. 31 об. – 32].

Проект Временного Положения устанавливал, что члены судов, уездного полицейского управления, городской думы, старшие бии и аксакалы должны были утверждаться в должностях областным правлением, прочие – заведующим туземным населением. Последнему следовало получить право отстранения от должностей членов судов, полицейского управления, старших биев и аксакалов, поручая исполнение этих должностей избранным должностным лицам из других волостей или кандидатам. На место младших биев и аксакалов заведующий был обязан назначать других лиц до новых выборов. Всем должностным лицам полагалось придать права личного дворянства на время исполнения ими своих обязанностей [13, л. 32–32 об.].

Итак, проект Временного Положения об управлении Туркестанской областью следует рассматривать как попытку внедрения в регионе элементов некоторых имперских административных установлений в части создания системы административно-территориального управления. К мысли о стремлении составителей притянуть регион к общеимперскому административному уровню подталкивает и декларирование чрезвычайно широкого (для едва завоеванного края) участия коренного населения в волостном, уездном и даже об-

ластном управлении. Законопроект предлагал ввести членов от коренного населения в областное правление, заседателей – в уездное полицейское управление, а также передавал городское, волостное и аульное управление в руки местных жителей. Явное доверие коренному населению прослеживается и в процедуре выборов должностных лиц от местных жителей, которые должны были проходить без влияния, во всяком случае официального, представителей имперской администрации.

Проект Временного Положения предлагал новую, более широкую, номенклатуру должностных лиц из коренного населения, фактически провозглашал самоуправление на первичном (аульном) и волостном уровнях, не проводил различий между административными органами кочевых и оседлых жителей края и усиливал степень представительности местного населения в волостном управлении. Этот документ четко продемонстрировал тенденцию учета трех законодательных практик при формировании административной системы в Русском Туркестане: 1) частичного сохранения местной традиции (большой частью на первичном уровне); 2) учета административного опыта других окраин империи (мехеме); 3) постепенного внедрения ординарных российских институтов.

6 декабря 1866 г. Д.И. Романовский представил оренбургскому генерал-губернатору подготовленные под его началом новые проекты временных положений по военному и гражданскому управлению Туркестанской областью.

Причины, побудившие областное начальство разработать новый законопроект, изложены в Объяснительной записке к временному Положению о военно-народном управлении в Туркестанской области. В документе отмечалось, что действовавшее Временное Положение 1865 г. составлялось в то время, когда российская администрация была фактически незнакома с местными условиями и не могла «себе составить ясного понятия о наилучшем способе управления». Поэтому лейтмотивом этого документа было минимальное вмешательство в традиционный уклад коренного населения и введение таких административных органов, которые, «не ломая его старинных учреждений, имели бы

однако возможность приводить в исполнение распоряжения правительства, и в то же время сами давали правительству средства более и более ознакомиться с бытом и условиями жизни населения, область составляющего». В качестве обоснования тезиса о необходимости «не ломать сразу народных учреждений» приводился успех введения военно-народного управления на Кавказе и просчеты при строительстве имперской административной системы в степных областях [12, л. 1–1 об.].

Отчасти продолжая эту «мягкую» линию, руководивший разработкой нового законопроекта туркестанский военный губернатор Д.И. Романовский оставался противником ломки устоявшихся обычаев коренного населения и «их исторически развившихся форм общественного управления». Он был уверен, что «туземцы – народ, с одной стороны, полудикий, с другой – народ иноверческий, иноплеменный», а поэтому в отношении к нему следует быть «чрезвычайно осторожным и осмотрительным, чтобы не подорвать, не поколебать того доверия», которым стала пользоваться российская администрация. Безусловно, первые руководители царской администрации, чувствуя себя трансляторами цивилизационных достижений среди «отсталых» народов, пребывали в иллюзии в отношении желанности новой власти и абсолютного доверия к ней со стороны коренного населения. Поэтому Д.И. Романовский полагал возможным все, что не представляется явным злом для новой власти, оставить нетронутым, включив в общую систему управления областью. При этом все негативное должно ослабнуть, а то и вовсе «само собою <...> уничтожиться» [12, л. 3–4].

Составители проекта Положения прокомментировали изменения в первичном управлении коренного населения. Введение выборного начала и расширение прерогатив аксакалов и биев было объявлено благом, не противоречившим религиозным убеждениям и основным обычаям местных жителей. Следует отметить, что выборность лиц первичной администрации составители законопроекта связали даже не с российскими земствами, а вывели из местной традиции. В качестве аргументов они использовали, с одной стороны, элемент выборности казахских ханов, а с дру-

гой – неоднократные просьбы местных жителей о замене их несостоятельных биев. При этом отмечалось, что с введением выборности должна исчезнуть возможная оппозиционность первичной местной администрации [12, л. 4–5].

Проект Положения о Туркестанской области по военно-народному управлению подчеркивал, что все города и селения должны управляться «согласно установившимся у туземцев обычаям (по адату)». Первичную администрацию у кочевников обязаны были составлять бии (административная, не судебная должность) или маналы. Денежное содержание они должны были получать из земских сборов. Свои полицейские обязанности биям и аксакалам (у оседлых) полагалось отправлять «согласно их установившимся обычаям». При этом они были обязаны беспрекословно исполнять все требования и предписания начальника отдела [15, л. 13 об. – 14].

Проект Положения о военно-народном управлении отдельно рассматривал вопрос организации выборов должностных лиц первичной (туземной) администрации. Эта процедура должна была отличаться для оседлых и кочевников. Среди общих принципов были ежегодное проведение выборов в сентябре, присутствие и невмешательство в выборы представителей имперской администрации, 20-летний возрастной ценз избирателей и признание избранным лица, за которого было подано 2/3 голосов [15, л. 12–12 об.].

В среде кочевого населения выборы предлагалось проводить на съезде в каждом большом роде. (Малочисленным родам следовало объединяться для достижения числа 1 000 кибиток.) В съезде должны были принимать участие по одному представителю от каждого аула. На этих съездах выборщиков полагалось избирать старшего бия в роде, бия отделения, бия подотделения (или аульного старшину) и кандидатов к этим должностным лицам. Здесь же надо было избирать арычного старшину и добросовестных для участия в съездах отдела из расчета один добросовестный на 100 кибиток. И уже эти добросовестные, собравшись на свой съезд, должны были избрать в хозяйственное отделение тюремного попечителя, смотрителя хлебного магазина и казначея [15, л. 12 об. – 13].

Что касается оседлых жителей Туркестана, то по соглашению с начальником отдела в каждом селении, в зависимости от количества жителей, они могли выбирать одного или нескольких аксакалов (при этом кто-то из них должен был стать базарным аксакалом) и арычного старшину. Выборы должностных лиц оседлого населения отдела проходили в месте пребывания его начальника. Для участия в общем сходе каждое селение должно было выдвигать по одному представителю от пяти дворов. На этом сходе полагалось избирать советников мехкеме (от 2 до 4 в зависимости от численности населения), смотрителя хлебного магазина, тюремного попечителя, казначея хозяйственного отделения и добросовестных (для участия в специальных съездах) – по одному от ста дворов. По согласованию с начальником отдела сход избирал казия в мехкеме [15, л. 13–13 об.].

Сравнение избирательных процедур у кочевых и оседлых обращает внимание на то обстоятельство, что представительство кочевников при выборах членов хозяйственного отделения было меньшим, чем у оседлых. И если аульные старшины у кочевников избирались съездом выборщиков, то сельские аксакалы – напрямую жителями всего селения. Наконец, заметим, что законопроект фактически сохранял родовое административное деление у кочевого населения.

Проект Положения о Туркестанской области по военно-народному управлению сохраняет все недостатки раннего туркестанского законодательства. Оно плохо систематизировано, недостаточно логически связано и обосновано. В тексте проекта не прописана процедура выборов или назначения советников мехкеме от кочевого населения, а также процедура назначения депутатов областного суда. Составители законопроекта забыли расшифровать термин «манап» и процедуру его избрания. Не прописан порядок отстранения от должности председателя мехкеме.

При этом следует обратить внимание на то, что этот документ весьма четко установил связь с имперским законодательством по Кавказу (Северному Кавказу), а также ввел заметные различия в системе управления и суда кочевого и оседлого населения, что обосновывалось, во-первых, определенными ци-

вильзационными различиями, во-вторых, стремлением в максимально допустимой степени сохранить традиционную систему управления, в-третьих, намерением дать приоритет обычному праву кочевников (адату) перед шариатом.

Наконец, законопроект предполагал установление в области совершенно новых для региона политических институтов. И дело тут не только в учреждении имперских органов управления, но, в первую очередь, во введении выборного начала в отношении местной первичной администрации и народного суда (мехкеме), в пропаганде российского суда, который должен был превратиться в альтернативу традиционному суду по шариату и адату. Эти разделы законопроекта весьма напоминают соответствующие положения Великих реформ, во всю разворачивавшихся в то время в России.

Сопоставление всех рассмотренных выше законов и законопроектов об организации управления Туркестанской областью демонстрирует формирование в среде их составителей четырех различных тенденций. М.Г. Черняев с соратниками выступал за сохранение местных традиций, которые должны были стать основой утверждения в регионе сильной самостоятельной власти. Д.И. Романовский стремился ограничить местные институты, распространяя на область инструменты, апробированные на других окраинах империи. Н.А. Кръжановский намеревался ускорить приобщение Туркестана к общеимперским порядкам. Но мудрость центрального правительства проявилась в более мягком сочетании народных обычаев и общеимперских элементов, которое должно было обеспечить мирное и постепенное вращение региона в единое имперское пространство.

Результаты. Обзор российского законодательства и законодательства о Туркестанской области в части организации первичной администрации коренного населения заставляет обратить внимание на следующие его специфические черты.

Во-первых, представители имперской власти, во избежание неприятия изменений и подъема антироссийских настроений, выражали и в той или иной мере, последовательно воплощали идею использования традиционных

административных институтов. Этому также должны были способствовать привычные принципы формирования волостей, принесения присяги и допущение к власти представителей местной родовой знати.

Во-вторых, первичная администрация создавалась в условиях слабого знакомства с традиционными институтами управления оседлого населения края, что создавало предпосылки не только для ложного понимания административной традиции, но и для фиксации новой властью тех институтов, которые либо не были прочно укоренены в обществе, либо вовсе не существовали.

В-третьих, важнейшим принципом организации первичного управления было признано активное привлечение коренного населения на общественные должности, а также исследование возможности внедрения местных представителей в административные учреждения более высокого уровня. Именно эти лица должны были сформировать новую местную элиту, получившую легитимацию и особые привилегии со стороны имперской власти.

В-четвертых, всю первичную администрацию полагалось строить на утвержденном в общероссийском масштабе выборном начале. И именно это должно было стать базой сближения туркестанского первичного и сельского внутривосточного управления.

Надо заметить, что даже на протяжении рассмотренных двух лет в отношении первичной администрации Русского Туркестана стала заметна тенденция к постепенному ее приближению к общеимперским институтам.

Несмотря на отмеченную выше общность, в российских властных кругах не было единства по весьма важному вопросу, имеющему непосредственное отношение к цивилизационному восприятию региона и, соответственно, к влиянию на менталитет его жителей. Речь идет о вопросе учреждения единой или различных административных структур для кочевого и оседлого населения Туркестанской области.

Касательно культурного в широком смысле влияния Российской империи на население региона в части первичной администрации можно вполне однозначно констатировать, что в рассматриваемый период оно носило весьма ограниченный характер, что было

обусловлено поставленной задачей максимально безболезненного внедрения в устоявшиеся властные отношения на низовом уровне. Это вмешательство состояло во внедрении выборного начала, а также в отдельных попытках навязывания местному населению чуждых для него «туземных» (северокавказских) институтов и некоторых несвоевременных имперских учреждений. Но, надо признать, эти институты и учреждения официального закрепления в законах не получили.

Все это дает нам основания утверждать, что в 1865–1866 гг. административная аккультурация в отношении весьма чувствительной для коренного населения сферы первичного управления была минимальна, что проявилось в сохранении привычных для местных жителей должностей и даже персоналий, поставленных под контроль минимального аппарата имперских чиновников.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01008), реализуемого в Оренбургском государственном педагогическом университете.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев, Д. В. Казахи и русские: бытовая аккультурация в XIX в. / Д. В. Васильев, С. В. Любичанковский // Вопросы истории. – 2018. – № 3. – С. 151–165.
2. Васильев, Д. В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины, XVIII – первая половина XIX века / Д. В. Васильев. – М. : Политическая энциклопедия, 2014. – 471 с.
3. Васильев, Д. В. Туркестанская область: становление административного законодательства в Русском Туркестане, 1854–1866 / Д. В. Васильев // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2013. – № 4. – С. 174–180.
4. Васильев, Д. В. Управление коренным населением Туркестанского края в Российской империи / Д. В. Васильев // Кочевая альтернатива социальной революции. – М. : Институт Африки РАН, 2002. – С. 250–255.
5. Временное Положение об управлении Туркестанской областью // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2 (ПСЗРИ-П). – Т. 40. – Отд. 1. – № 42372. – С. 876–881.

6. Джунджузов, С. В. Миссионерская деятельность Никодима Ленкеевича в Калмыцком ханстве (1725–1734 годы) / С. В. Джунджузов, С. В. Любичанковский // Новый исторический вестник. – 2017. – № 3. – С. 172–191.

7. Журнал комиссии, учрежденной в Ташкенте главным начальником Оренбургского края для составления Положения об устройстве Туркестанской области в гражданском отношении // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 400. – Оп. 1. – Д. 4761. – Л. 1–62.

8. Именной указ об образовании Туркестанской области // ПСЗРИ-П. – Т. 40. – Отд. 1. – № 41792. – С. 184.

9. Корякин, К. Аккультурация / К. Корякин. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.migracio.ru/akkulturaciya.html> (дата обращения: 01.12.2017). – Загл. с экрана.

10. Любичанковский, С. В. Политика аккультурации в условиях разрушения империи: казус волостного земства / С. В. Любичанковский // Вестник Томского государственного университета. История. – 2017. – № 50. – С. 31–37.

11. Любичанковский, С. В. Профессионально-педагогическая выставка 1898 г. и имперская политика аккультурации / С. В. Любичанковский // Вопросы истории. – 2018. – № 5. – С. 125–136.

12. Объяснительная записка к временному Положению о военно-народном управлении в Туркестанской области // РГВИА. – Ф. 400. – Оп. 1. – Д. 4770. – Л. 1–13.

13. Проект Временного Положения об управлении Туркестанской областью // РГВИА. – Ф. 400. – Оп. 1. – Д. 4734. – Л. 1–33 об.

14. Проект Положения о Среднеазиатской пограничной области, представленный генерал-майором Черняевым // РГВИА. – Ф. 38. – Оп. 8. – Д. 86. – Л. 2–33 об.

15. Проект Положения о Туркестанской области по военно-народному управлению // РГВИА. – Ф. 400. – Оп. 1. – Д. 4768. – Л. 1–17 об.

16. Тухтаметов, Ф. Т. Правовое положение Туркестана в Российской империи (вторая половина XIX века) / Ф. Т. Тухтаметов. – Уфа : Изд-во БашГУ, 1999. – 215 с.

17. Dmitriev, V. V. The Southern Periphery of the Russian Empire and a Problem of Colonialism (On Materials of National Policy of Russia in Relation to the Crimean Tatars at the End of XVIII – the Beginning of the 20th Century) / V. V. Dmitriev, S. V. Lyubichankovskiy // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2017. – № 45 (3). – С. 1010–1024.

18. Dzhundzhuzov, S. V. Kalmyks of Southern Ural in the XVIII – Early XX Century: Problems of Assimilation, Acculturation and Preservation of Ethnic Identity / S. V. Dzhundzhuzov, S. V. Lyubichankovskiy

// Былые годы. Российский исторический журнал. – 2017. – № 46 (4). – С. 1194–1206.

19. Lyubichankovskiy, S. V. Orenburg in the History of Integration of Kazakh Steppe in the Russian Imperia XVIII – Beginning of XX Century / S. V. Lyubichankovskiy, K. G. Akanov // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2018. – № 48 (2). – С. 484–495.

20. Vasiliev, D.V. Government of the Turkistan Region Native Population in the Russian Empire / D. V. Vasiliev // Nomadic Pathways in Social Evolution / ed. by I. V. Sledzevsky [et al]. – М. : Center for civilizational and regional studies of the Russian Academy of Sciences. – 2003. – P. 165–171.

REFERENCES

1. Vasilyev D. V., Lyubichankovsky S.V. Kazakhi i russkie: bytovaya akkulturratsiya v XIX v. [Kazakhs and Russians: Everyday Acculturation in the 19th Century]. *Voprosy istorii*, 2018, no. 3, pp. 151-165.

2. Vasilyev D.V. *Rossiya i Kazakhskaya step: administrativnaya politika i status okrainy, XVIII – pervaya polovina XIX veka* [Russia and the Kazakh Steppe: Administration Policy and the Status of the Outskirts. The 18th –First Half of the 19th Century]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2014. 471 p.

3. Vasilyev D.V. *Turkestanskaya oblast: stanovlenie administrativnogo zakonodatelstva v Russkom Turkestane, 1854–1866* [The Turkestan Province: Formation of the Administrative Legislation in the Russian Turkestan. 1854-1866]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*, 2013, no. 4, pp. 174-180.

4. Vasilyev D.V. *Upravlenie korennyim naseleniem Turkestanskogo kraja v Rossiyskoy imperii* [Government of the Turkistan Region Native Population in the Russian Empire]. *Kochevaya alternativa sotsialnoy revolyutsii* [Nomadic Pathways in Social Evolution]. Moscow, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2002, pp. 250-255.

5. *Vremennoe Polozhenie ob upravlenii Turkestanskoy oblasti* [The Temporary Statute for the Governing of the Turkestan Province]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie 2* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The 2nd Collection], vol. 40, part 1, no. 42327, pp. 876-881.

6. Dzhundzhuzov S.V., Lyubichankovskiy S.V. *Missionerskaya deyatelnost Nikodima Lenkeevicha v Kalmytskom khanstve (1725–1734 gody)* [Missionary Activities of Nikodim Lenkeevich in the Kalmyk Khanate (1725-1734)]. *Novyye istoricheskiy vestnik*, 2017, no. 3, pp. 172-191.

7. *Zhurnal komissii, uchrezhdennoy v Tashkente glavnym nachalnikom Orenburgskogo kraja dlya*

sostavleniya Polozheniya ob ustroystve Turkestanskoy oblasti v grazhdanskom otnoshenii [The Journal of the Commission Established in Tashkent by the Principal Chief of the Orenburg Region for Drafting the Civilian Conditions of the Statute for the Governing of the Turkestan Province]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv* [Russian State Military Historical Archive], F. 400, Op. 1, D. 4761, L. 1-62.

8. Imennoy ukaz ob obrazovanii Turkestanskoy oblasti [The Decree on the Formation of the Turkestan Province]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie 2* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The 2nd Collection], vol. 40, part 1, no. 41792, p. 184.

9. Koryakin K. *Akkulturatsiya* [Acculturation]. URL: <http://www.migracio.ru/akkulturaciya.html>. (accessed 1 December 2017).

10. Lyubichankovskiy S.V. Politika akkultursii v usloviyakh razrusheniya imperii: kazu volostnogo zemstva [The Policy of Acculturation in the Conditions of the Destruction of the Empire: The Case of the Volost's Zemstvo]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2017, no. 50, pp. 31-37.

11. Lyubichankovskiy S.V. Professionalno-pedagogicheskaya vystavka 1898 g. i imperskaya politika akkultursii [Professional and Educational Exhibition in 1898 and the Imperial Policy of Acculturation]. *Voprosy istorii*, 2018, no. 5, pp. 125-136.

12. Obyasnitelnaya zapiska k vremennomu Polozheniyu o voenno-narodnom upravlenii v Turkestanskoy oblasti [Explanatory Note to the Temporary Statute for the Military and Public Governing in the Turkestan Province]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv* [Russian State Military Historical Archive], F. 400, Op. 1, D. 4770, L. 1-13.

13. Proekt Vremennogo Polozheniya ob upravlenii Turkestanskoy oblasti [Draft Temporary Statute for the Governing of the Turkestan Province]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv* [Russian State Military Historical Archive], F. 400, Op. 1, D. 4734, L. 1-33.

14. Proekt Polozheniya o Sredneaziatskoy pogranichnoy oblasti, predstavlennoy general-mayorom Chernyaevym [Draft Statute on the Central Asian Border Province Submitted by Major General Chernyayev]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv* [Russian State Military Historical Archive], F. 38, Op. 8, D. 86, L. 2-33.

15. Proekt Polozheniya o Turkestanskoy oblasti po voenno-narodnomu upravleniyu [Draft Statute on the Turkestan Province for Military and Public Governing]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv* [Russian State Military Historical Archive]. F. 400, Op. 1, D. 4768, L. 1-17.

16. Tukhtametov F.T. *Pravovoe polozhenie Turkestana v Rossiyskoy imperii (vtoraya polovina XIX veka)* [The Legal Status of the Turkestan in the Russian Empire (2nd half of the 19th century)]. Ufa, Bashkir State University Publ., 1999. 215 p.

17. Dmitriev V.V., Lyubichankovskiy S.V. The Southern Periphery of the Russian Empire and a Problem of Colonialism (On Materials of National Policy of Russia in Relation to the Crimean Tatars at the End of the 18th – Early 20th Century). *Bylye gody. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal* [Bylye Gody. Russian Historical Journal], 2017, no. 45 (3), pp. 1010-1024.

18. Dzhundzhuzov S.V., Lyubichankovskiy S.V. Kalmyks of Southern Ural in the 18th – Early 20th Century: Problems of Assimilation, Acculturation and Preservation of Ethnic Identity. *Bylye gody. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal* [Bylye Gody. Russian Historical Journal], 2017, no. 46 (4), pp. 1194-1206.

19. Lyubichankovskiy S.V., Akanov K.G. Orenburg in the History of Integration of Kazakh Steppe in the Russian Imperia in the 18th – Early 20th Century. *Bylye gody. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal* [Bylye Gody. Russian Historical Journal], 2018, no. 48 (2), pp. 484-495.

20. Vasilyev D.V. Government of the Turkistan Region Native Population in the Russian Empire. Sledzevsky I.V. (et al), eds. *Nomadic Pathways in Social Evolution*. Moscow, Center for civilizational and regional studies of the Russian Academy of Sciences, 2003, pp. 165-171.

Information about the Authors

Dmitriy V. Vasilyev, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor, Moscow City University, 2-y Selskokhozyaystvenny proezd, 4, 129226 Moscow, Russian Federation, dvvasiliev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6616-0646>

Sergey V. Lyubichankovskiy, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of Department of History of Russia, Orenburg State Pedagogical University, Sovetskaya St., 19, 460014 Orenburg, Russian Federation, svlubich@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8349-1359>

Информация об авторах

Дмитрий Валентинович Васильев, доктор исторических наук, доцент, профессор, Московский городской педагогический университет, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, 129266 г. Москва, Российская Федерация, dvvasiliev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6616-0646>

Сергей Валентинович Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, ул. Советская, 19, 460014 г. Оренбург, Российская Федерация, svlubich@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8349-1359>